

Чжан Цилин затягивал последнюю петлю аккуратного узла на конце чистой марлевой повязки, которой только что заново перевязал рану Черному Очкаку.

Черный Очкак неторопливо приподнялся на кровати и принялся застегивать распахнутую на груди рубашку.

Ткань зашуршала о свежие бинты — этот тихий, суховатый звук прозвучал в звенящей тишине комнаты с пронзительной четкостью.

Чжан Цилин с щелчком закрутил крышку баночки с целебным маслом и убрал её в притороченную к поясу аптечку. Взгляд его, однако, по-прежнему был прикован к спине Черного Очкака — очертания плеч и лопаток казались неестественно напряженными из-за тяжелой травмы.

Заговорив, он звучал ровно, но в самом его голосе чувствовался тяжелый, несгибаемый вес:

— Серьезно, Очкак. Что ты собираешься делать дальше?

Черный Очкак слегка размял плечи. Движение отозвалось болью в поврежденных мышцах, он едва заметно поморщился, но тут же расслабил лицо, возвращаясь к своей привычной, чуть насмешливой улыбке.

— А что тут поделаешь? Стерпится — слюбится.

Протянув гласные, он протянул руку к прикроватной тумбе, подхватил темные очки и водрузил их на нос. Непроницаемые черные стекла скрыли все мысли и эмоции, которые могли бы промелькнуть в его глазах.

— Неужели Цветик-глава решил устроить меня на новое местечко?

Чжан Цилин пропустил мимо ушей его шутки и балаганный тон, продолжая молча смотреть на него.

В этих красивых глазах залег холодный, пронзительный свет, казалось, способный прожечь насквозь темные линзы очков.

— Твоя спина за месяц не затянется. В последнее время наверху беспокойно, одному тебе будет трудно.

— Ого, пожалел меня? — Черный Очкак склонил голову набок, широко улыбнувшись и обнажив белые зубы. — Не бойся, Цзю-е живуч, меня и Янь-вану забирать неохота.

— Я с тобой не шучу, — голос Чжан Цилина стал еще тяжелее. — Чжан Хайкэ пару дней назад передавал весть: у семьи Чжан в старом месте есть уединенный дворик. Там тихо, никто не потревожит, идеальные условия, чтобы залечить раны.

Он сделал небольшую паузу, оценивая реакцию Черного Очкака:

— Я к тому, что тебе стоит пожить там какое-то время.

В кинозале, услышав, как его собственное имя упоминается в таком вот «распорядительном» тоне, Чжан Хайкэ резко выпрямил спину.

Он быстрым взглядом покосился в сторону главы своего клана, а затем тут же перевел глаза на Черного Очкака — во взгляде смешались напряжение и едва уловимая надежда.

Если Ци-е действительно согласится поехать залечивать раны в родовое гнездо Чжанов...

У Се тоже наострил уши.

На первый взгляд всё звучало разумно и обоснованно, но во всем этом чудилась какая-то странная подоплека — словно Очкака намеренно пытались куда-то убрать, изолировать на время.

Улыбка на лице Черного Очкака слегка померкла, пальцы машинально загладили дужку очков.

— Местечко семьи Чжан... — протянул он, и по голосу невозможно было понять, доволен он или разгневан. — Цветик-глава и впрямь всё продумал.

— Я просто предлагаю, — поправил Чжан Цилин, хотя в его тоне не осталось места для возражений. — С твоим нынешним состоянием нельзя действовать в одиночку и уж тем более нельзя снова ввязываться в какие-либо заварушки. У семьи Чжан хотя бы будет безопасно.

— Безопасно... — Черный Очкак посмаковал это слово на языке и вдруг коротко, сужено усмехнулся.

Смех вышел странным, сухим и не предвещающим ничего хорошего.

— Ладно. Раз уж сам Цветик-глава расщедрился на предложение, грех отказываться, Очкак примет его с почтением.

Он согласился слишком легко и быстро, и это неожиданное согласие заставило Чжан Цилина слегка замереть.

Опираясь рукой о край кровати, Черный Очкак поднялся на ноги. Из-за боли в спине движения вышли чуть более медленными, чем обычно, но манера держаться осталась прежней — расслабленной и небрежной, будто он давал согласие на какую-то пустяковую мелочь.

— Когда выступаем?

— Завтра, — Чжан Цилин взял себя в руки. — Машину я подготовлю.

— Идет.

Черный Очкак кивнул и направился к выходу. Проходя мимо Чжан Цилина, он на секунду притормозил, наклонил голову и бросил вполголоса — так тихо, что услышать могли только они двоим:

— Цветик-глава так спешит выпроводить меня... неужели боится, что... кое-кто покажется мне лишним в глазах?

Стоило этим словам сорваться с губ, как зрачки Чжан Цилина сузились до точек, и он резко поднял взгляд, в упор глядя на собеседника.

Но Черный Очкак уже шел дальше, широко улыбаясь. Не оборачиваясь, он легко взмахнул рукой на прощание, сохраняя прежнюю беспечность — так, будто только что сказанного намека и вовсе не существовало.

Картинка на экране померкла вслед удаляющемуся Черному Очкаку и окончательно погрузилась во тьму.

Освещение в кинозале зажглось не сразу, густая, тяжелая темнота повисла в воздухе, давя на грудь каждому присутствующему.

Покажется лишним в глазах... — механически повторил У Се, в то время как в его голове со страшной скоростью крутились мысли.

Кто-то? Кто именно? Сяо Хуа? Или...

Он перевел взгляд на Чжан Цилина.

В голову закралась безумная, но до ужаса правдоподобная догадка: неужели Очкак имел в виду Мэн-оу-пина?

Но разве Мэн-оу-пин не страдал амнезией? Да даже если память к нему вернулась — какие

такие отношения связывали его с Очкаком, что к месту пришлась фраза о том, кто мозолит глаза?

У Се почувствовал, что в мыслях воцарился полный хаос.

Он повернулся, надеясь уловить реакцию остальных, но натолкнулся на тяжелый, затаенный взгляд У Саньсина.

Дядя очевидно тоже раскусил скрытый смысл тех слов; брови его сошлись на переносице, на лице читалось желание что-то сказать, но он сдержался.

Во втором ряду лицо Чжан Хайкэ менялось от одной эмоции к другой.

Уж Ци-е точно говорил не о главе клана. Чжан Хайкэ перевел взгляд на У Се.

И всё сразу встало на свои места.

Ну конечно. Кроме У Се, нашелся бы еще кто-то, кто умудрился бы встать поперек горла и показаться Ци-е бельмом на глазу?

А сам Черный Очкак по-прежнему сидел с той же неуловимой, загадочной улыбкой на губах, выглядя так, будто бушующие вокруг него подводные течения его ничуть не касались.

Зато Чжан Цилин задумчиво смотрел в сторону, где только что исчез Черный Очкак, и в его глазах мелькнуло понимание — он, пожалуй, догадался, почему экранный «он» так упорно стремился спровадить человека подать дальше.

Во-первых, разумеется, ради того, чтобы тот спокойно залечил раны.

А во-вторых...

Его мимолетный взгляд скользнул по профилю У Се.

Боюсь, этот шаг был сделан и для того, чтобы Очкак не пересекался с У Се.

Что ни говори, а Чжан Цилин отлично знал себя самого.

Или, вернее сказать, оба они — те, что по эту и по ту сторону экрана — в глубине души руководствовались одними и теми же побуждениями, разгадав одну и ту же загадку.

На следующий день, проводив Черного Очкака, Чжан Цилин только переступил порог усадьбы семьи Чжан, как к нему быстрым шагом подбежал один из подчиненных:

— Глава, младший третий господин из семьи У прибыл.

Чжан Цилин слегка опустил ресницы, лицо его осталось бесстрастным, и он лишь равнодушно бросил:

— Проводи его в малую гостиную.

— Слушаюсь.

Слуга поспешно удалился. Чжан Цилин постоял на месте еще мгновение, после чего неторопливо направился в сторону гостиной.

На его лице не отражалось никаких эмоций, лишь кончики пальцев едва заметно теребили манжет рукава, словно он взвешивал в уме какие-то мысли.

Сидя в кинозале, У Се при виде собственного отражения на экране слегка вздрогнул.

Он невольно покосился на сидящего впереди Чжан Цилина — тот сосредоточенно и неподвижно смотрел на экран, и в резком свете проектора линии его профиля казались отстраненными и холодными.

Панцзы сидел рядом и тихонько хмыкнул:

— Ну всё, Невинный, пришел с повинной.

У Се ничего не ответил, смутно ощущая, что предстоящий разговор легким не будет.

Чжан Цилин дошел до дверей малой гостиной и на секунду притормозил.

Через полуприкрытую резную створку двери было видно, как У Се стоит у окна спиной к выходу; его фигура казалась немного хрупкой, но в то же время натянутой, как струна, полной упрямой решимости.

Он толкнул дверь и вошел.

Услышав звук, У Се тут же резко обернулся. Лицо его было искажено тревогой, под глазами залегли темные круги — было очевидно, что он совсем не спал.

— Сяо Хуа!

Он в несколько шагов подлетел ближе; голос его звучал приглушенно, но в нем отчетливо слышалось отчаяние.

— Очкак ранен? Насколько всё серьезно? Где он сейчас?

Чжан Цилин подошел к круглому креслу из желтого палисандра, но садиться не стал.

Он поднял глаза и спокойно посмотрел на У Се.

— Кто тебе сказал?

У Се замер, глаза его забегали, он закусил губу:

— Я... я сам догадался. Вчера на дорогах поползли слухи, будто он вляпался в грязное дело и вернулся в скверном состоянии. Я обошел все места, где он обычно останавливается — никого.

Он замолчал на секунду, в упор глядя на Чжан Цилина, и в его голосе проступило едва сдерживаемое напряжение:

— Мне... мне нужно найти его. У меня есть срочное дело.

Чжан Цилин помолчал пару секунд, затем сам налил чашку теплого чаю и подвинул её У Се.

— Он действительно ранен, ему нужен покой, — голос его звучал ровно, не выдавая никаких чувств.

— Где он отлеживается? — допытывался У Се подавшись всем корпусом вперед. — Я должен немедленно его увидеть.

— Не получится.

Чжан Цилин опустил ресницы, поднес к губам свою чашку, и тихие слова прозвучали отчетливо и ясно:

— Он уехал в тихое место и в ближайшее время никого принимать не станет.

Лицо У Се изменилось, в голосе прорезалась неподдельная паника:

— Сяо Хуа, это дело огромной важности, оно касается...

— Оно касается Чжан Цилина, — Чжан Цилин оборвал его на полуслове. Тон оставался всё таким же бесстрастным, но У Се мгновенно онемел.

Видя, как сузились зрачки У Се, он продолжил:

— Ты хочешь найти его помощи, чтобы спасти Чжан Цилина.

Это был не вопрос. Это был диагноз.

Сидя в темном зале, У Се так сильно сжал руки на коленях, что побелели костяшки пальцев.

Его экранный двойник, пойманный с поличным, на секунду растерялся — на лице промелькнуло смущение оттого, что его замысел так легко раскусили, но следом за ним поднялась всё та же отчаянная решимость человека, которому уже нечего терять.

Взгляд Чжан Цилина резко метнулся к экрану, запечатлев встревоженный профиль У Се; зрачки его были черны и глубоки, словно замерзшая вода в колодце, но под этой гладью скрывалось нечто невыразимое.

Панцзы шумно втянул воздух, переводя взгляд с У Се на сидящего впереди Чжан Цилина, а затем на спину Чжан Цилина в кадре, открыл рот, но так ничего и не произнес.

У Се тяжело вздохнул, грудь его вздымалась — словно его ткнули ножом в самое болезненное место, но отступить было поздно:

— Да! Я хочу попросить его о помощи! Ты ведь и сам знаешь, в каком состоянии сейчас Сяо-гэ! Только у Очкака могут быть варианты или хотя бы зацепки! Сяо Хуа, я...

— Именно поэтому я и не позволю тебе увидеться с ним, — голос Чжан Цилина стал ледяным, в нем сквозило почти жестокое здравомыслие.

У Се остолбенел:

— ...Почему?

— Потому что твои намерения слишком очевидны, а вся твоя паника написана на лице.

Чжан Цилин опустил чашку на стол и посмотрел на У Се взглядом острым, как осколок льда:

— Если ты явишься к нему, это будет равносильно тому, чтобы ткнуть его носом в табличку «У Чжан Цилина проблемы». А он сам сейчас едва держится на ногах.

Он сделал небольшую паузу, чеканя каждое слово:

— У Се, ты хоть думал о том, что он сделает, узнав об этом, с учетом его нынешнего состояния?

Лицо У Се мгновенно побелело.

Не сводя с него глаз, Чжан Цилин продолжил, и каждый его тихий звук падал в тишину тяжелым молотом:

— Он плевать хотел бы на собственные раны и сорвался бы с места в ту же секунду. И даже если впереди горы ножей и море огня, ради Чжан Цилина он пойдет на это.

Он слегка перевел дыхание:

— Ты загоняешь его в угол. Ставишь на кон его раны и саму его жизнь ради призрачной надежды.

— Я не... — попытался было возразить У Се, но голос прозвучал сухо и хрипло.

— Именно так и есть.

Чжан Цилин прервал его; в его глазах не было упрека — только глубокая, всеобъемлющая усталость и горькое понимание.

— Я знаю, на что ты способен пойти ради Чжан Цилина. Но я знаю и его.

Под этим «его», разумеется, подразумевался Черный Очкак.

— Ему сейчас нужен покой, а не новая порция смертельной опасности. И уж точно не ты, толкающий его туда своими руками.

У Се качнулся назад, словно из него выбили весь воздух, и едва удержался на ногах, вцепившись пальцами в край стола.

Опустив голову, он затрясся мелкою дрожью, и лишь спустя долгое время из горла вырвался сдавленный шепот:

— ...Что же мне делать? Сяо-гэ...

— О судьбе Чжан Цилина я позабочусь, — Чжан Цилин снова взял в руки чашку, и поднимающийся от неё пар затуманил черты его лица. — А вот к Черному Очкаку пока не суйся. Держись от него подальше — так будет лучше и для тебя, и для него.

У Се стоял посреди комнаты, не в силах сдвинуться с места.

Прошло немало времени, прежде чем он с невероятным трудом кивнул, а голос его упал до едва различимого шепота:

— ...Хорошо. Я... я понял.

Он не произнес больше ни единого слова, у него даже не осталось мужества еще раз взглянуть на Чжан Цилина — развернувшись, он бросился вон из малой гостиной, словно спасаясь бегством.

Чжан Цилин остался стоять в пустой комнате, слушая, как затихают спешные, сбивчивые шаги У Се.

Он медленно опустился в кресло, спина его по-прежнему оставалась прямой, а взгляд упал на остывшую чашку чая, которую так и не притронулся У Се.

Долгое время в комнате царила тишина, пока он не выдохнул едва слышный, почти невесомый вздох, полный обреченности и безысходности.

— Очкак... что же мне с тобой делать?..

В кинозале стояла мертвая тишина, казалось, сам воздух превратился во что-то плотное и тяжелое, как свинец.

У Се сглотнул ставшую вдруг сухой слюну, каждый вдох отдавался ноющей болью где-то под ребрами.

Разговор на экране резал по живому, словно тупой нож.

Он никак не ожидал, что Сяо Хуа проявит такую непреклонность ради Черного Очкака, пойдя из-за него на открытый конфликт с ним.

Или, вернее, он никогда прежде не осознавал, насколько велик и важен был вес Черного Очкака в сердце Сяо Хуа.

Боковым зрением он бросил взгляд на сидевших рядом У Саньсина и У Эрбая.

Оба сидели с мрачными, темными лицами, которые в полумраке зала казались высеченными из камня.

У Се не был совсем уж слеп к закулисным играм и расчетам дяди, но ведь это был его собственный дядя... невидимая сеть кровных уз оплетала их по рукам и ногам, и разорвать её своими руками он не мог и не хотел.

Ему оставалось лишь упрямо верить, что Сяо-гэ не станет по-настоящему держать на него зла — ведь Сяо-гэ так дорожил им, верно?

Он непроизвольно повернулся к Чжан Цилину.

Тот по-прежнему молча сидел на своем месте; на границе света и тени его профиль казался одиноким и отрешенным, спокойным, как безмолвная статуя.

И всё же У Се казалось, что он чувствует: подо всей этой внешней ледяной гладью бушуют темные, опасные водовороты.

В первом ряду Чжан Цилин молча вглядывался в экран, и в душе его росло четкое понимание.

Теперь ему стало ясно — ясно, почему «он» тогда пошел на молчаливую сделку с Чжан Хайкэ, объединив усилия, чтобы выдворить Черного Очкака из эпицентра бури.

Чтобы тот не ввязался.

Чтобы успеть очертить вокруг него крошечный «безопасный круг» до того, как грянет буря.

Почти в тот же миг, услышав фразу ради Чжан Цилина, Чжан Хайкэ презрительно фыркнул, издав едва слышный звук носом.

Он скосил глаза, и его взгляд — острый, как лезвие клинка — прошелся по фигуре У Се, смешивая в себе насмешку, понимание и холодную, присущую лишь клану Чжан отстраненность.

А в центре этого круга из невысказанных претензий и подводных камней сидел сам виновник — Черный Очкак. Он лишь устало потер пальцами переносицу, словно сбрасывая с плеч невидимый груз.

— Сяо-кецзы, — подал он голос, в котором не было злости, но звучала почти отеческая

снисходительность. — Ну ты даешь, надо же было додуматься — сговориться с главой Се и водить меня за нос.

На самом деле он раскусил их с самого начала.

Понял это молчаливое партнерство, затеянное лишь ради того, чтобы возвести вокруг него стену и на время отрезать от надвигающейся бури.

Он не сомневался: тот, кто носил его имя по ту сторону экрана, точно так же прочел это пропитанное заботой стремление «сплавить» его куда подальше.

Потому что понял. Потому что подчинился.

Потому что знал: раз кто-то переживает за твою шкуру, можно и уйти в тень на время, избавив их от лишней головной боли.

<http://bllate.org/book/20900/2112987>